

Год защитника Отечества

О героях былых времён...

«Магнитогорский металл» продолжает специальный проект, главные герои которого – люди, подарившие нашей стране Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов

В новом проекте мы рассказываем о тех, кого заслуженно причисляют к поколению победителей. Ветеранов Великой Отечественной войны, к сожалению, становится меньше с каждым годом, каждым месяцем, каждым днём. И тем ценнее живые воспоминания

каждого участника тех далёких и одновременно таких близких событий. Это реальная, не киношная и не книжная история нашей страны, из уст тех, кто преодолел себя и выиграл священную войну за свободу и мирную жизнь своих детей, внуков, правнуков.

Судьба

Пётр Васильевич Романов, человек с классическими русскими ФИО, родился в Татарстане, в селе Альшево. И известие о начале Великой Отечественной войны застало 14-летнего подростка на Сабантуе. Вспоминает: вдруг стихла музыка, подъехала машина с военными...

На фронт ушли три старших брата. Двое погибли, один вернулся сильно израненный и тоже долго не прожил. Пётр получил повестку только в 1944 году, когда исполнилось 17 лет. Повестку принесла мать, работавшая председателем сельсовета, и сказала: «Хоть ты и младшенький мой, отсрочку просить не стану: ты должен отомстить за братьев!» Такой мама и осталась в его памяти: решительной, волевой, стойкой.

С призывного пункта почти неделю на товарняке добирались в Ульяновскую область, где новобранца распределили в 82-й минометный полк. Жили в землянках и постигали азы военной службы. И только в апреле 1945 года отправили на фронт, через Брест-Литовск

Пётр Романов

Порядок должен быть!

Младшего из четырёх своих детей мать Петра Романова сама благословила на фронт – мстить за убитых братьев

– в Польшу. На узловой станции Пила близ реки Вислы состав подрывали. Хотя уже пришло известие о завершении войны, на территории Польши орудовали националистические банды. Задача у солдат была конкретная: пресекать их вылазки и разыскивать дезертиров.

Затем молодого парня перебросили в Северную группу войск под командованием маршала Рокоссовского. В дивизии около местечка Гросс-Борен Пётр Романов прослужил до 1951 года и однажды даже лично общался с маршалом.

После демобилизации вместе с сослуживцем Пётр приехал в Магнитогорск. Работал токарем, сварщиком. Но пара случаев, когда парня бесцеремонно ограбили, натолкнули на мысль стать защитником правопорядка. Начиная с рядового, затем был участковым уполномо-

ченным в милиции Левобережного района, затем оперуполномоченным уголовного розыска, который через несколько лет он возглавил. За 32 года оперативники раскрыли не один десяток убийств, грабежей, разбоев, насилий. В отставку вышел в 1982 году.

За образцовое выполнение служебного долга и заслуги в охране общественного порядка подполковник милиции Пётр Романов награждён медалью «За трудовую доблесть», имеет знак «Отличник милиции», медали МВД «За безупречную службу» трёх степеней, «Ветеран труда». Пётр Васильевич – кавалер всех медалей в честь Победы в Великой Отечественной войне.

Пётр Романов – автор книг по графологии, народной медицине, психологии – такие вот разные интересы у этого человека

И на пенсии он никогда не сидел без дела: благоустроив садовый участок, был заместителем председателя правления садового товарищества, а затем и возглавил СНТ. И если благодаря его упорству и инициативности к саду проложили асфальтированную дорогу, сделали автобусную остановку, то к своему участку он подходил творчески, как художник.

Вместе с супругой Анной Григорьевной они вырастили трёх дочерей. А теперь семья увеличилась: у Романовых четверо внуков и трое правнуков. Все они очень гордятся дедушкой. И, конечно, подержи-

вают сейчас, когда ветеран заметно сдал, передвигается только по квартире, но не сдаётся – с уверенностью заявляет, что уж до ста лет-то (а это

через два года) точно протянет. А может, и больше!

Ольга Балабанова

Пётр Романов

© Дмитрий Рукманив

Художественная летопись

Нина Кондратовская. «Белые лебеди» (16+)

Продолжение.
Начало в № 16 за 4.03.2025,
№ 20 за 18.03.2025,
№ 22 за 25.03.2025,
№ 24 за 1.04.2025

Лето военного сорок третьего года выдалось для учителей тяжёлым. Мы уже наголодали, обносились и устали третий год без отпуска. Устали от ребят, а они от нас.

А как хотелось нам, молодым учительницам, в редкие денёчки, свободные от полевых работ, и в театр пойти, и погулять, и потанцевать в парке под духовой оркестр.

Отпуска мы не имели, учебный год в старших классах начинали 1 октября, а с июня – собирай неподдельную школьную бригаду и от прополки до уборки капусты ройся в земле, в грязи, в зной, в дождь и так до заморозков. Всё время с детьми – легко ли, но шёл 1943 год, поредевшим колхозам и совхозам без подспорья не обойтись, а конца войны не видно, хотя фашистов уже погнало.

Жарким июльским утром нас, вернувшихся с прополки, тощих, загорелых, не отмывших с первого захода ладоней, бурых от молочая и сурепки, собрали по «пионерской цепочке» в Дом учителя, в просторный приземистый барак на одиннадцатом участке, где ютился и горком нашего профсоюза.

Зал, подпираемый деревянными колоннами, заполнили женщины и несколько старых учителей, негодных к воинской службе. Молодёжь, как обычно, шумела, радуясь встречам, счастливой возможности развлечься, познакомиться, а пожилые вслух мечтали о чистой постели после землянок, овинов и сараев, где мыши пешком ходят, потому что коты пропадают по ночам в гусарских походах.

Нина Кондратовская

Невыдуманнные истории

Никто не расскажет о Магнитке военных лет лучше тех, кто в ней тогда жил и работал

На низкой сцене, за столом, покрытым застиранным кумачевым лозунгом, по я в л а с ь

Александра Андреевна Сафонова, председатель горкома, как всегда, в синем костюме и стерильно-белой блузке. Рядом сели директора из двух школ и инспектор горно в военной гимнастёрке с нашивками, непривычно ковылявший на новом протезе. Завгороно Юлия Александровна Хонякина болела, и поговаривали, будто он освоится и примет её дела, а прерванную войной учёбу продолжит заочно. Он нам уже нравился, потому что Юлия Александровна не нравилась, на что были причины. Но Сафонова постучала карандашом по графину и утихомирила зал привычным учительским жестом, за которым последовала каменная выжидательная пауза.

Подводились итоги летних работ, зачитывались цифры, кого-то хвалили, кого-то умеренно поругивали. Оглашали дальнейшие планы – кому и куда ехать на заготовку кормов, на картошку. Всё своим чередом. Как обычно. И мы перешептывались, слушая в пол-уха. И вдруг моя подруга Лида Базанова, историк из нашей 17-й школы, тык меня локотком: Сафониха вознеслась, сейчас что-то важное огласит. Александра Андреевна действительно торжественно выпрямилась, подняла тоненькие брови, сощурила глазки, сложила губы как для поцелуя. И опять позвенела по графину:

– Товарищи учителя! Я должна довести до вашего сведения приятную новость...

Все тут же сникли. Завелась! Покуда не вытрясет всего, что и без неё знаем, ничего дельного не скажет. Сейчас последует политинформация о событиях на фронте, а мы уже всё слышали по радио.

– Наши отважные воины, не щадя жизни, проливают кровь, изгоняя с родной земли фашистских извергов, – запела Сафонова. – Но родина и в трудные минуты проявляет заботу о нас, учителях. – Сафонова перешла на декламацию. – Мы должны самоотверженным трудом...

– К чему она клонит? – шепнула я Лиде. Сафонова закруглила фразу и пояснила:

– Вы хорошо потрудились, отстаивая от сорняков военный урожай. За это... Она поднесла к глазам лист и огласила приказ:

– Предоставить учителям дни отдыха...

Девять дней, не считая сегодняшнего! Впервые за два года! Отдохнуть от работ, не бояться за мальчишек, как бы их бык не боднул, как бы не утонули в речке, не отравились волчьей ягодой, не подрались с деревенскими, не убежали, не соорудили бы самодельный пистолет, именуемый в школьном просторечии «поджигом» – смертельно опасное оружие! Не надо укладывать их с трудом и так же тяжело и нудно поднимать утром. Не надо, раздавая пайки, бояться, что обсчиталась, принимая хлеб от хитрой кладовщицы, и кому-то не хватит, и придётся отдавать свою, и будет кружиться голова, когда надо не только работать, не разги-

баясь, но и следить, помогать, подбадривать всю неугомонную, плохо управляемую двенадцатилетнюю бригаду.

А какое счастье – беззаботно сходить в кино, отутюжив старое платье и замаскировавши дырки на локтях изощрённой штупкой.

– И это – не всё! – патетически воскликнула Александра Андреевна, подняв руку, дескать, помолчите же минутку.

Пожилым ударницам ОРС выделил... – она замаялась, – трикотажные ...трико.

– Штаны? – спросила громко А. М. Островская, преподаватель немецкого языка, прозванная «громбабой», весьма уважаемая.

– Нижняя часть белья, – смущённо пояснила Сафониха, и все рассмеялись.

– Это хорошо, – глубоко окая произнёс седенький математик. – И нам бы хорошо нижнюю часть белья.

Вам лично, Поликарп Федорович, – ордер на калоши, – поборола смущение Сафонова. – А наших молодых учительниц ожидает огромный сюрприз.

Сафонова огласила список. Мы с Лидой в него попали и вытянули шеи и лица в предвкушении обещанного сюрприза.

– Наши молодые, прекрасные учительницы будут как белые лебеди! Вот! – Сафонова потрясла стопкой маленьких квадратиков из плотной оберточной бумаги. – Вот ордера на белые платья. Наши ударницы, наши красавицы будут как белые лебеди, – повторила она и потрепыхала ладонями, расчувствовавшись от заранее заготовленных слов.

Улыбались все. И очень приветливо улыбался военный на протезе. Он отказался от предоставленного ему слова.

– Зачем лишние слова? Выдавайте скорее ордера, пусть люди отдыхают.

Мы поочередно расписались на разграфлённом листе, получили квадратик с круглой печатью и надписью «платье белое, женское, х/б – 15 куп.»

– А мужские есть? – съязвила Лида, но Сафонова дала деликатный отпор:

– Бываю ещё детские, Лидия Петровна.

«15 куп.» – это купоны, или «единички». Их выдавали вместе с карточками. Жёлтые, зелёные, синие и розовые листки соответственно с цифрами 1, 3, 5 и 10. К ордеру на наши лебединые платья надо было дать в любом наборе пятнадцать единичек. Купонов у нас хватало, так как ордера на промтовары учителя почти не получали. Их можно было и на рынке купить по дешёвке. Покупали счастливицы, которых как-то снабжали.

Оторвав единичку, дав взаимы тем, кто оставил дома, мы гурьбой направились в наш распределитель. Там в полутёмном зарешённом бараче стояли на полках керосиновые лампы без стекол, свернутые тюками ватники, висело объявление «есть чулки – 5 куп.» и второе – «по спецалонам» – припиленное к высокой стопке рукавиц, именуемых на производстве вачегами и для учителей ненужных. Их выдавали кочегарам и дворникам. В школах с центральным отоплением разместили госпитали, а дворников в те времена мы не видели вообще, лёд кололи и чистили снег сами, поэтому вачеги пылились, а мы, выстроившиеся в очередь, завистливо поглядывали: вот нам бы такие, чтобы осотом рук не колоть!

Продолжение следует